

фантастическая
история

Книги Андрея Архипова
в серии «Фантастическая История»

Цикл
«Волжане»

ПОВЕТЛУЖЬЕ
ВЕТЛУЖЦЫ
ВЕТЛУЖСКАЯ ПРАВДА

МОСКВА, 2013

фантастическая
история

Андрей Архипов

Ветлужская Правда

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А87

Архипов А. М.

А87 Ветлужская Правда: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 343 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1539-7

Что произошло бы со всеми нами, если бы давным-давно на окраинах Киевской Руси и Волжской Булгарии объединились равнодушные люди и понесли миру свою Правду, отсеивая безучастных и привлекая сострадающих? Изменился бы мир или такое сообщество неминуемо погибнет под гнетом зависти, мелочности и даже любви... Любви к себе, таким неповторимым и точно знающим, как нужно жить?

Сколько продержатся ветлужцы, прежде чем их уничтожат? Как сделать, чтобы злоба и корысть не пробрались в их ряды? И какой должна быть Правда этих людей, чтобы выдержать проверку временем?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1539-7

© Архипов А. М., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Глава 1

ГЛАВНЫЕ СЛОВА

Вставать было тяжело. Глаза Трофима застила мутная пелена, изредка покачивающаяся в такт его неровной поступи по выскобленному дощатому полу. Голова казалась пустой, тело странно расслабленным, а мышцы рук вялыми.

Распахнув дверь наружу, воевода полной грудью вдохнул прохладный предрассветный воздух и рывком перевалил свое тело за порог дружинной избы, с наслаждением вставая босыми ногами на влажные доски крыльца. Солнце еще не выглянуло из-за горизонта, но уже окрасило небо на восходе мягкими тонами, осветив темную границу убегающих вдаль дождевых туч. Пахло прошедшей грозой и тягучим сладковатым ароматом черемухи, обильное цветение которой принесло на грешную землю недавние холода и всеобщую уверенность в дождливом лете.

Тихонько скрипнула доска под весом переминающегося на расположенной рядом вышке дозорного. Откуда-то издалека донесся жалобный визг несмазанного дерева, возвестивший о том, что трудовой день уже начался и вскоре улица будет наполнена звенящими голосами спешащих по своим делам хозяек. Двигаться не хотелось, и Трофим пристроился на перилах, собираясь еще немного остудить не отошедшую от вчерашней попойки голову. Поток холодной воды, обрушившийся сбоку и сразу же залепивший ему глаза, оказался неожиданным.

— Убью, паскуда! — Мгновенно отскочив в дальний угол крыльца, воевода стал утираться одной рукой, в то время как другая привычно потянулась к засапожнику. Не нащупав ножа, как, собственно, и сапог, он мотнул головой, пытаясь таким образом прийти в себя, и огляделся.

— Воевода, струсилось что?! — встрепенулся дружинник на вышке. Через мгновение его тревога прошла и в голосе появилась толика ехидства, указывающая на немалое количест-

во соли, съеденной вместе. — Не сбегать ли тебе за рушником, Игнатич? Мигом обернусь!

Только тут воевода уловил почти беззвучный смех, доносящийся из-под высокого крыльца. Злой больше на свою невнимательность, чем на шутника, Трофим резко перегнулся через перила и, повиснув на одной руке, попытался поймать мелькнувшую там тень за вихры или ворот рубахи. Однако ее зыбкие очертания расплылись, и пальцы скользнули лишь по плечу, не прикрытому одеждой.

— Тебе надо было еще пару дней назад остановиться! — донесся до воеводы насмешливый возглас бесцеремонного полусотника. — А теперь ты и хромую козу не поймаешь!

— Много ты понимаешь в питии! — успокоенно уселся на ступеньки Трофим, осознав, кто устроил ему такую помывку. — Сам попробуй отказаться от хмельной чаши, когда на кону стоят дела важные! Любой обидится да попрекнет, что ему уважение не оказали...

— Неужели? Как все знакомо... — Иван подошел поближе, бросил разохшуюся бадейку под крыльцо и оглядел своего товарища с головы до ног, не скрывая усмешки. — Как же тогда князя с соседями общаются? Надираются вдрызг?

— Я пока не в том положении, чтобы гнущаться выпить со старейшинами мало-мальски значимых черемисских родов! Или предлагаешь мне делать вид, что прикладываюсь к братине, а самому лишь губы мочить? Грех обманывать новых родичей, когда они от всего сердца высказывают свое почтение...

— Так и спиваются лучшие сыны отечества!

— Да ладно, у меня все-таки повод был! Двойней жена порадовала, тетеря ты бестолковая!

— Близнецы? Тройняшки мы... — невпопад хмыкнул каким-то своим мыслям Иван, присаживаясь рядом. — Ну-ну, наслышан, поздравляю.

Улина на днях разродилась сыном и дочкой, так что почти четыре дня Трофим, которого на время выселили в дружинную избу, отмечал рождение детей. Сама же молодая жена осталась в том самом пятистенке, который около года тому назад начали строить как пристанище для заблудившихся во времени путников и который им оказался не нужен: кому-то было недосуг таскаться сюда из Болотного, а кому-то вполне хватало места в Переяславке.

Недалеко от этого дома уже давно крутилось подливное колесо водяной мельницы, а на самом подворье выселились складские помещения под зерно и муку. После их постройки

на пустующую усадьбу положили глаз некоторые особо предприимчивые члены общины, но своевременный переезд туда воеводской жены не дал им ни малейшей возможности воспользоваться «хлебным» местом. На все потуги отдельных переездов помочь ей с мельничным хозяйством на постоянной основе та удивленно хлопала ресницами и задавала единственный вопрос: «Выселить меня с детьми хочешь или воеводе не доверяешь?»

Однако в настоящий момент Улине было не до хозяйственных дел: роды прошли тяжело, и знахарка даже решила переселиться на время к ней, чтобы присмотреть за пациенткой, а заодно и помочь по дому. Кроме того, черемиска после похода в воронежские земли перевезла остальных своих детей к мужу, так что помимо домашних дел на лекарку легла забота о малышне — непоседливых мальчишках четырех и шести лет.

Воевода же настолько разволновался по поводу здоровья своей жены, что о чем-либо другом думать уже не мог. Пришлось звать Лаймыра, который делано обиделся, что рождение его правнуков отмечается не с должным размахом, и сразу же увел Трофима исправлять этот недочет. Сначала праздновали со своими, а потом с низовьев Ветлуги пришлось принимать одну делегацию за другой. Повод был более чем весомый: воевода породнился с одним из самых могучих семейств, а кровь в эти времена связывала гораздо сильнее, чем дружба или общее дело.

Трофим после рождения детей уже не воспринимался ветлужскими черемисами как чужак, вознесшийся на вершину власти в близлежащих землях. Он был почти своим — к нему можно было воззвать как к родичу и попросить о помощи. Это налагало ответные обязательства, но в беспокойном мире такие отношения всегда были самыми надежными. А уж когда подрастут дети, в чьих жилах течет общая кровь... Возможно, к тому времени рядом будут жить друзья, которые придут на помощь в трудную минуту, встанут плечом к плечу при вражеском нападении, поделятся хлебом в голодный год.

Однако такой фундамент будущего благополучия и добрососедства сам по себе не вырастет. В самом начале любые слова необходимо наполнять поступками или хотя бы изъяснением всяческого желания развивать родственные отношения. И черемисские роды с низовьев прилагали все усилия, чтобы наладить связи с неожиданно укрепившимся соседом. Договаривались о покупке недорогого железа, досок, черепицы, более умные пытались забрасывать удочки на тему постройки у себя домниц и лесопилок.

А воевода вместе с единомышленниками, жалуясь на нехватку людей, требовал за это рабочую силу и воинов. Он настаивал на том, чтобы черемисы присылали свою молодежь в школу, объясняя это тем, что для литья железа и производства досок просто необходимы новые знания. Он предлагал строить новые мастерские на паритетных началах и просил разрешения на строительство укреплений на черемисских землях, которые смогли бы защитить совместное имущество и оградить его от чужого глаза.

На что-то из предлагаемого уже было получено «добро» от ветлужского князя, кое-что оказалось за рамками соглашения, но было во власти старейшин. В любом случае, черемисы усиленно пользовались и тем и другим. Лаймыр всегда честно предупреждал сородичей, если какие-то условия могли вызвать недовольство кугуза, однако выгода чаще всего перевешивала любые колебания. Да и сам княжеский представитель в ограничениях не упорствовал, и это говорило знающим людям, что тут затевается более тонкая игра. Так что начало взаимодействию было положено, а то, что воеводе потом приходилось мучиться похмельем, являлось совсем малой платой за будущие преференции.

— Явился, говоришь... Ну так не томи, рассказывай! — Трофим толкнул локтем своего замолчавшего собеседника, отсутствовавшего в веси больше месяца. — Не верю я, что ты на меня бадейку воды опрокинул, дабы просто позлить!

— А то, что ты сам меня головой в прорубь окунал после того, как я поведал все подробности своего осеннего похода? Обещал же, что припомню потом?

— Надо было остудить твою буйную головушку, иначе ты тут такого натворил бы... — намекнул воевода про обряд кровного побратимства и спохватился: — То есть решил должок отдать?

— Да нет, правильно делаешь, что не веришь, — должок еще за мной. Просто твои пьянки в любом случае надо прекращать, а то делегации выпить на халяву к тебе никогда не прекратят ходить! — Иван с преувеличенной завистью вздохнул, словно сожалея, что не успел попасть в число этих гостей, и перешел к сути вопроса: — По пути мы обогнали болгарский караван со старыми знакомыми. Завтра утром купцы будут здесь, да не одни: с ними движется рать немалая.

— Насколько немалая?

— Думаю, что вместе с людишками Юсуфа полторы сотни душ наберется.

— И все к нам?

— Нет, четыре судна идут за данью к кугузу. Рискну предположить, что дальше двинутся волоком на Вятку к другим черемисским князькам: самое время зимнюю пушную рухлядь собирать.

— Как бы он их не прогнал... с суздальцами разбираться! А ты ночью шел, чтобы весточку быстрее доставить?

— Именно так, прибыли пару часов назад, — согласился полусотник. — Почти на ощупь пробирались ради этого. Ничего, вот наладит мне мастер Жум катамараны делать, так мы за двое суток про таких гостей узнавать будем!

— Какой такой мастер? И что он наладит? — не понял половину из сказанного Трофим.

— Какой? Давай лучше отложим этот разговор ненадолго, — поднялся с лестницы Иван. — Вестников в Болотное и Сосновку я послал сразу же, но до того, как все соберутся, часа три еще точно пройдет. Так что можем пробежать поприщ десять для разминки, заодно и остатки хмеля у тебя выьем! А то у меня пролежни скоро будут от бесконечных речных походов: целый день лежишь и смотришь по сторонам...

— Знаю я твои пролежни! Опять всех своих воев загонял до изнеможения? Кстати, как новички?

— Ничего, будет у тебя к осени еще два десятка диверсантов. Я ими, кстати, почти и не занимался, переложил все на Пельгу и Кокшу.

— Второй совсем молодой!

— Зато талантливый и упертый, а за зиму я из него неплохого бойца подготовил. Из черемисов Лаймыра у меня выделяются он да Курныж: свою молодую поросль они как раз и обучают.

— А Вараш и его вои? Гондыр про них лестно отзывался по осени, — заинтересованно взглянул на полусотника воевода.

— На тех черемисов у меня отдельные планы... Кстати, помимо обычных занятий, эта спевшаяся парочка должна была по весне со своими ребятами все поселения на среднем течении Ветлуги облазить.

— Зачем? Дабы показать, за кем сила? Так вои Вараша пока нам не подчиняются, в отличие от черемисов Лаймыра, — те роту¹ дают. Да и то, если дойдет дело до свары с кугузом...

— Затем чтобы рассказать, к кому нужно обращаться в

¹ Рота — присяга, клятва.

случае опасности и что надо делать, дабы в карманах завелось звонкое серебро. Ну не в карманах, так в мошне! А если дело дойдет до размолвки с ветлужским князем, то неизвестно еще, на чью сторону встанет сам Лаймыр... Так! Ты прекращай мне зубы заговаривать! Побежали!

— Ишь какой горячий и нетерпеливый! Сам же мне описывал, как вреден бег после возлияний! Помнишь, как после свадьбы Николая просил оставить тебя в покое? — Воевода неторопливо поднялся и потянулся, разминая застоявшиеся косточки в соскучившемся по движению теле. — Что-то про печень мне толковал...

— Кхм, так мы почти шагом, да и не в броне я тебя заставляю бежать! А если еще освежимся купанием, то потом сможешь мыслить почти здраво! Или ты уже взбодрился моим ведром? Думаешь, одного было достаточно? Ладно, ладно! — миролюбиво поднял руки Иван, отступая от поднятого в показном замахе кулака Трофима. — Я что? Я ничего! А майская водичка еще никому вреда не приносила! А уж дел, которые нам на малом совете предстоит обсудить, просто уйма!

— Окунуться не мешало бы, но уж бежать... Давай просто пройдемся не торопясь до дальней заводи, дабы в такой темени на речку через кусты не лазить. Там и дно хорошее, и песочек на бережку. Все-таки я не последний человек в веси, чтобы куда-то стремглав нестись среди ночи! Еще подумают люди, что беда случилась... Заодно ты мне по пути расскажешь про свои новинки и про поход к мордве.

Воевода сошел с крыльца и направился к воротам, осторожно ступая босыми ногами между старыми навозными лепешками. Иван двинулся за ним трусцой, в какой-то момент опередил и открыл калитку, дурашливо склонившись в поклоне:

— Слушаюсь и повинуюсь, мой воевода! Разреши понести тебя на закорках, дабы ты не утруждал свои ножки?!

— Тебе бы только на торгу рожу корчить, напялив лохмотья скомороха на потеху толпе! — скривился Трофим. — Еще раз напомни, где этот мастер находится?

Выждав, когда дозорный спустится с вышки и закроет за ними засов, Иван пустился в обстоятельный рассказ:

— Так у черемисов, в устье Вола. Наши это селение Вольным называют, чтобы каждый раз язык не ломать. Помнишь подробности того, как прошлой осенью Свара и Гондыр по этой речке дорожку протоптали почти до самой Унжи? Вараш, кстати, потом ко мне в Солигалич целое посольство привел из разных поселков: так, мол, и так, обещали нам заказ на ло-

дьи и обустройство волока, а что делать и где взять монетки на наем людишек — не сказали. Неужели забыл?

— Забудешь такое, Свара целую зиму вспоминал, как мальцов в лесную засаду завел...

— Да и мне было что помянуть добрым тихим словом. Если бы не пришедшие с Варашем меряне, то съели бы нас местные с потрохами еще в самом начале. Там же не только черемисы сидят, с которыми мы общий язык более-менее нашли, но еще костромская меря и остатки чуди на Чухломском озере. Вон они нас и донимали первое время, пока Вараш со своим разношерстным ополчением за наш острог не вступился. Пришлые меряне рассказали буйному местному населению, как вы их спасли от новгородцев, и попросили не только не трогать нас, но и помогать всячески. Родичи друг с другом почти всегда могут договориться...

— И сразу же все бросились вам помогать?

— Ну почему же... Много чего пришлось пообещать помимо разных товаров. В первую очередь то, что никаких ограничений в допуске их к тем местам не будет. Да это было бы и неправильно! Жили-жили, а потом пришли чужаки и забрали у них соляные источники! Так что высказанное позднее кугузом недовольство меня трогает мало, сам бы попробовал отношения с местным людом наладить!

— Ладно, про это я помню, — кивнул Трофим, вновь недовольно скривившись при упоминании черемисского князя. — И про лодьи кое-что тоже. Ты же целых десять гривен серебра попросил для задатка и половину зимы санями туда доски возил по реке! Как тут забыть! А вот что за диковинное название ты упомянул вкуче с мастером Жумом?

— Катамараны? У-у-у! Если говорить попроще, то это корабль из двух корпусов, соединенных друг с другом. Иногда их бывает даже три, но это уже называется как-то по-другому... С нашими материалами прочную конструкцию получить трудно, но если все-таки удастся все соединить в одно целое, то получим очень устойчивое судно! А значит, можем поставить парус повыше и увеличить скорость! Кроме того, между корпусами можно наложить груз, который не будет мешаться под ногами! Думаю, что до грузовых катамаранов дело в ближайшее время не дойдет, но быстроходную лодочку, которая минует почти любую мель, вполне можем сделать. Сейчас там Ишей безвылазно сидит и доводит с Жумом конструкцию до ума.

— Хм... не верю я, что две скрепленные меж собой лодки будут плыть быстрее, чем одна, но... Как я понял, основная

часть монет все-таки пошла на новые лодьи с защитой для гребцов, так?

— Новшества не только в этом. Во-первых, построим несколько грузовых судов с водонепроницаемыми переборками на случай затопления какой-нибудь части. Улавливаешь зачем? А во-вторых — лодьи будут строиться в разных вариантах. Некоторые с небольшой осадкой пойдут для мелких речек, а парочку замыслием сделать для боевого охранения на глубоких. Как ни странно, главное во всех этих делах то, что с соседями контакт налаживается и на нас не смотрят как на чужаков.

— А как сходил к мордве? Эти боевые лодьи ты ведь для походов в ту сторону задумал? Так?

— А то! — Полусотник отклонил ветку на узенькой тропинке и повернулся к воеводе. — Дикий край! И болгарцев можно встретить, и суздальцев, и муромских людишек. Знаешь, сколько желающих найдется нас на зуб попробовать, после того как они про железо узнают? А сходил туда... да почти без толку. Так и не согласился эрзянский князь на наши совместные с ним дела!

— Так! Ну-ка давай подробнее о нем! — Воевода свернул на еле заметную прогалину, ведущую к речной заводи, и тут же остановился, подав знак своему спутнику. Порыв ветра донес запах дыма, приправленный какой-то прогорклостью. Перейдя на шепот, Трофим обернулся к Ивану: — Еще не успокоились, что ли? — И, видя недоумение своего собеседника, пояснил: — Вечор праздновали Вешнее Макошьё, чествовали землицу после зимнего сна. Людишки как раз отсеялись и решили себе роздых дать. Может, после хмельного пира и игрищ кто-то загулял до утра?

Стараясь не шуметь, воевода с полусотником осторожно пробрались вдоль тропы и вышли на берег заводи. Запах резко усилился, но зато стала понятна его причина: вдоль берега стояло несколько котлов, исходящих паром и неприятным ароматом чего-то подгоревшего. Вокруг костров вповалку лежали мальчишки, невозмутимо посапывающие на еловых подстилках...

— Так! Гвардия, к бою! — не удержался Иван и невольно улыбнулся, глядя, как над поляной взметнулись взлохмаченные чумазые физиономии.

— Ероха! Спиногрыз несчастный! Опять заснул на посту?! — С дальнего конца поляны мимо воинского начальства метнулась знакомая фигура и тут же полезла проверять кипящие котлы, старательно размешивая палкой их содержи-

мое. — Эх, смотри сюда! А еще говоришь, что не спал... Сказано было, что надо разбудить через полчаса! — Поляна сразу наполнилась суетой и гомоном, в то время как Вовкин голос продолжал распекать нерадивого мальчишку, стоящего в клубах дыма посреди поляны и растерянно оправдывающегося на все упреки. — Какая разница, что ночь и по солнечным часам время не проверишь? Смотри на звезды, читай «Отче наш»... Точно, спал! Теперь ты не отбрехаешься тем, что тятке на пахоте помогал! Вчера к земле прикасаться вовсе нельзя было! Ни пахать, ни сеять, ни-че-го! Хотя, по моему мнению, все эти указания — полная ерунда!

— Э! Вовчик! — Полусотник решил разрядить накалившуюся обстановку, вызванную их появлением. — Что тут у вас происходит? Почему спите на берегу? И вообще, что ты тут делаешь вдали от мастерских?

— Дядя Вань, ты? — поинтересовался Вовка, выныривая из царящего на берегу смрада. — Да вот, проспал малявка! Теперь поташ от котла отскребать придется!

— Э... А поподробнее? — только и смог вымолвить Иван.

— Днем некогда, так мы тут ночное дежурство устроили, — следом за своим подчиненным стал многословно оправдываться молодой мастер. — Нам для опытов поташ необходим, поэтому мы всю золу из печей, накопившуюся за зиму, в бочках настаиваем, а потом воду сливаем и выпариваем. Получившийся осадок перекаливаем на сковородах и получаем то, что нам надо!

— Калите печную золу? Для этого Николай велел ее в одно место собирать? — вмешался воевода, видя, что его полусотник впал в ступор от вывалившихся на него сведений. — А как же бабы? Они же ее при стирке используют...

— Хватит им, Трофим Игнатьич! Они же не всю ее в наши закрома несли!

— Ну-ну, не мне волосья на голове рвать будут. Так зачем вам этот... поташ?

— Мыло делать и стекло варить... — вздохнул Вовка, вытирая руки о подол рубахи. — Для мыла его надо, конечно, опять разводить и подогревать, а потом еще и мешать с известковым молоком, чтобы получить щелочь...

— А не проще ли вам дрова пережигать, чем бабам каждый раз золу в одно место собирать? — прервал ненужные ему подробности Трофим. — Леса вокруг полно...

— Не проще. Дрова надо еще заготовить, а нам деревья валить не под силу! Золу же любой малец пяти лет от роду в

нужное место отнесет. Да и лес лишний раз рубить жалко! Не успеем оглянуться, как на пустом месте жить будем! Вот когда папоротник подрастет, тогда его начнем пережигать, а пока используем печные отходы.

— Хм... А воняет чем?

— Жир и сало перетапливаем для мыла, — нехотя пояснил молодой мастер, указывая на один из котлов. Зачерпнув оттуда ложкой маслянистую жидкость, он попробовал ее на вкус и сморщился. — Сначала мешаем их со щелочью, следом добавляем соли, чтобы осадить глицерин... э-э-э... мягкие масла и примеси. Их спускаем, а верхний слой заливаем в деревянные формы, студим, и дней через пять... Ероха, нормально уварилось, на вкус как подсолненное сало! Давай следующую порцию щелочи!

— Чего вы, говоришь, добавляете? — настороженно вскинулся воевода, услышав, что мальчишка упомянул о попытках перевести драгоценный продукт непонятно на что. — Соль?!

— Ну да, нам дядя Ваня немного зимой привез! А что? — удивленно вскинул глаза Вовка. — По-другому твердое мыло у нас не получается — одна размазня выходит! И то приходится несколько раз этот процесс повторять... А про соль дядя Коля вспомнил, по его словам и делаем. Потом, может быть, найдем что-то другое, но пока только так!

— Э, Трофим! — подтолкнул закипающее начальство к выходу с поляны Иван. — Пойдем! Он дело говорит: без мыла нам никак, Вячеслав уже ругаться устал... А первый караван с солью уже вот-вот должен подойти! Подумаешь, изведем малую ее часть на полезное дело!

— Дядя Вань, идите купаться выше по течению, там вода почище! — донесся им в спину Вовкин голос. — А сам я утром зайду, принесу заказ Трофима Игнатъича...

— Пойдем, пойдем. — Полусотник вновь подтолкнул в спину воеводу, который обернулся, чтобы прояснить долетевший возглас про какой-то непонятный ему заказ. — Не будем мешать мальчишкам. Придет, и узнаем, что он тебе приготовил... На чем мы остановились?

— Э... На эрзянском князе, — помрачнел лицом Трофим и свернул в просвет, показавшийся в ивовых зарослях.

— Точно! Так вот, меня до него даже не допустили! Овтай всеми руками вцепился и запретил напрямую с инязором общаться. Сначала, говорит, со мной породнись! А то зарежут мимоходом, и он даже не сможет вступиться.

— Сам князь хочет лапу наложить на железо? Что про него знаешь?

— Практически ничего. Род у него издревле самый могучий, поэтому он и шишку держит среди окрестных племен. А еще у него наемников много из тех, кто ему личную вассальную клятву принес...

— Ротники служат? Откуда родом?

— Говорят, что предки их пришли из южных земель, из Руси. Вот только не пойму, из Киевской или еще той, Древней, про которую Вячеслав все уши прожужжал...

— Да и меня наш лекарь пытал про какую-то Пургасову Русь в мордовских землях. Не знаю — не слышал... Вот и пришли!

— Брр... Ох! Холодна водичка! — Скинув одежду, Иван упал спиной в темную гладь заводи и попытался окатить брызгами своего воеводу.

— А ну, не балуй! Сам зайду... — Трофим окунулся с головой и лег на воду, пытаясь удержаться против течения. — Так что вы с Овтаем решили?

— Князь эрзянский Волжской Булгарии держится, что само по себе правильно в его положении, поэтому, пока мы не докажем свою полезность или значимость, помогать не будет, хотя подарки и принял. Он даже отступного Овтаю предлагал, чтобы самому встрять в сей процесс, но тот сразу со всем почтением отказался. Знает, что придут болгарцы, а связываться с ними себе дороже — не заметишь, как лишишься всего. Так что мы с ним подумали и решили делать все своими силами. Его род за нас, земля в полном их распоряжении, поэтому он уже начал ставить небольшую крепостицу недалеко от устья своей речки и углублять русло под наши лоды.

— И зачем тогда надо было затевать спрос у их верховного князя?

— Если на наши мастерские кто польстится, то оберегать их придется лишь своими силами. Помощи других родов не дождемся, потому что чужие залежи руды у них бельмом в глазу сидеть будут. Мол, сами вылезли со своим железом, как чирей на видном месте, сами и защищайтесь! Так что спрос этот затевался, чтобы раскола между эрзянами не допустить и заинтересовать всех в наших делах. Ну хотя бы их князя... А теперь многие могут испугаться усиления рода Овтая и будут пытаться всячески ему навредить. А уж если развяжут меж собой войну за это самое железо, то...

— Угу. Чем еще опечалишь?

— Как ни странно, поражаю. Емеля еще до моего отъезда

белую руду нашел на двух речушках, Железнице и Выксунке. Обогащения почти не требует, плавится легко и очень богата железом. Так что сразу начали копать... правда, в основном глину, потому что привезенного кирпича даже для одной домницы не хватит. Еще решили, что, пока мать не осядет в отношениях с эрзянским князем, почти все чугунные болванки будем свозить к нам, а на месте лишь лить посуду.

— Хитро задумано.

— А то! Даже если кто-то позарится на местные мастерские или наши грузовые лоды, что они потом с чугуном будут делать? Ни расковать эти болванки, ни отлить чего-то из них без наших технологий они не смогут. Правда, пришлось пообещать Овтаю, что мы будем делиться доходами от изделий из этого железа, но такое решение меньшее из зол...

— А зачем делиться? — недоуменно вскинулся Трофим. — Ведь делать будем мы?

— Работа наша, но чугун общий, так? А про то, что конечный продукт имеет более высокую цену, я уже всем объяснил... Да и не в этом дело, тем более наш труд в любом случае будет оплачен, а свою дополнительную прибыль они отработают охраной на лодьях или чем-нибудь другим. Тут не деньги важны, а то, что от нас не уйдут технологии! Кроме того, мы с ними изначально весь доход решили делить по справедливости, как равноправные партнеры... э-э-э... товарищи. Любые же попытки перетянуть на себя одеяло приведут к косым взглядам и новому переделу. Слишком мы зависим друг от друга...

— Ладно. Сколько воев оставил с Емелей?

— Трех, только для личной охраны и обучения воинов Овтая, если у того появится такое желание. Прямо от сердца оторвал!

— Сам Емельян не сбежит к себе на старую родину?

— Николая я точно в те края не пошлю — слишком опасно. Кроме того, без него мы как без рук, да и... просто мне будет очень тяжело, если с ним что-нибудь случится. Собой гораздо легче рисковать. А Емеля... в душу каждому не заглянешь, но за него я почти ручаюсь. Наш человек, да и жена на сносях у него тут осталась... Куда он денется с подводной лодки?

— Опять твои шуточки? Это как лодка может плавать под водой?

— Пока не может, согласен.

— Когда железо оттуда ждать? — Воевода успокоенно фыркнул и стал выбирать из заводи на берег, позвав за собой собеседника.

— Чугун? Ближе к концу лета, и это в лучшем случае...

А на что ты надеялся? Человек двадцать всего у Овтая было. Правда, после того как я ему руду показал, он с горящими глазами еще столько же обещал, но... Опять те же самые проблемы, что и у нас в прошлом году, — страда.

— Как думаешь решать?

— Как и у нас. Попрошу у Мстиши ребят посмышленее и зашлю того же Свару с Мокшей школу организовывать, со всеми вытекающими трудовыми повинностями. Думаю, что слухи о прошлогодних заработках школьников нам с организацией этого дела сильно помогут. Да и беловежцам надо кого-нибудь послать для обучения. Так что скоро вновь уеду... Но на этот раз, скорее всего, без захода в Дивногорье.

— Что у воронежцев? — вскинулся воевода. — Все нормально? Яских ребятишек сдал на руки родичам?

— Все путем. Ждана поставил к их воеводе на довольствие — будет там нашими глазами. Приняли его хорошо, сразу стали вспоминать ваш осенний поход. Железо тоже приняли на «ура», почти к началу сева поспели. К новым полянкам они еще даже не прикасались.

— Что так? Позднее пахать начали?

— Просто повезло. У нас Ветлуга рано вскрылась ото льда, да и они с севом припозднились из-за дождей. Добрались мы туда примерно за полторы недели до конца апреля... По-вашему вроде березень?

— У кого как. У нас березень на начало весны приходится, так что прошлый месяц — цветень, а нынешний — травень.

— Угу, — кивнул Иван и нахмурился. — С ясами же... Сам не пойму. Вроде от наших ребят я ни одного плохого слова о них не услышал, но как начали перебираться по волоку на Воронеж, будто чужими стали...

— Не чужими, просто степь почуяли! Понимаешь? Степь! Ладно, сам когда-нибудь постигнешь... Как тебе воронежский воевода?

— Да ничего, только чумной какой-то. Может, из-за смерти жены?

— Отмучилась бедолага... — Трофим вздохнул и широко перекрестился. — А что не так с ним?

— Все время смотрел на меня настороженно, словно ждал подвоха.

— Да я сказывал ему, что ты с Вячеславом из одного теста слеплен...

— Не так мы страшны, как нас малюют! — Весело блеснув глазами в сторону Трофима, Иван стал пробираться к тропе,

отсвечивая в рассветных сумерках невысохшими каплями на мокром теле. — Эх, не взяли холстину, чтобы вытереться!

— На ходу согреешься! Вот оружия я не захватил с собой, на твой меч понадеявшись, это да... Совсем расслабились мы тут за зиму! Даже детишки без надзора ночью шляются! — Трофим удрученно мотнул головой и продолжил предыдущую тему: — А лекарь наш и меня в страхе держал. Я все время боялся, что он чего-нибудь выдаст этакое! Значит, явилось яское племя к Дивногорью?

— Прибыли, родимые, но пока ничего не говорят. Посмотрим, как железо на них подействует...

— На заставах муромских и рязанских не пытались лишний пошлины взять?

— Бог миловал, но с этим надо что-то делать, иначе разоримся. Еще Муром я могу миновать нахрапом — все-таки большая часть правого берега Оки за мордвой, однако Рязанское княжество пройти по краешку никак не получается. Тут хочешь не хочешь, а провозное мыто выложи. И так уже припоминали, как вы осенью нагло проскочили мимо мытников. Не ожидали они поздней осенью купцов... Правда, я в отказ пошел: мол, знать ничего не знаю, не наше было судно! Но каждый раз такой финт ушами не повторишь, так что другой проход в воронежские земли надо обязательно искать.

— Сызнова все в мордву упирается?

— Ага, надо подумать, как лучше поступить. Во-первых, можно ходить под их флагом, если вообще здесь такое практикуется... Короче, взять и объявить наши суда эрзянскими! На Оке мимо Мурома им плавать никто не запрещал, а вмешается Ярослав Святославич, так опять получит от наших друзей по зубам. Во-вторых, мордовские земли простираются почти до воронежских и туда есть речные пути, насколько я знаю. Сидят там, правда, не эрзяне, а мокшане, но все равно почти один народ. Договоримся.

— Не спеши ругаться с Муромом, — покачал головой воевода. — Любая свара в тех краях прервет наше общение с родом Овтая. Кстати, свадьба твоя когда?

— Хотели осенью, но из-за трений с эрзянским князем решили ее сыграть как можно быстрее, так что через несколько недель меня уже того... окрутят.

— Невеста пригожа?

— Важна? Не то слово, как хороша, но чувствую, что хлебну я с ней... — отмахнулся Иван и свернул неприятную ему тему: — Давай лучше поговорим о том, что надо сегодня обсудить. Кажется, Вовка у нас за старшего среди мастеров остался?

— Так... — Воевода подошел к двери, пинком распахнул ее и стал внимательно вчитываться в слегка расплывающийся текст, отпечатанный на грубой бумаге, похожей на картон. — Ры... Ры... О! Ры-ба! Таки своими буквицами напечатали, стервцы! А я же просил!

— Да уже все привыкли к нашему алфавиту, дядька Трофим! — В глубине дружинной избы стоял Вовка и нетерпеливо переминался с ноги на ногу, искоса поглядывая через плечо. Там, за накрытым столом расположилась целая комиссия из шести человек по приему первого печатного ветлужского издания, которое представляло собой четыре листа серого картона и переплет из полоски грубой кожи, скрепленные с помощью рыбьего клея. Уловив из сумрака комнаты подбадривающий кивок отца, Вовка продолжил: — Даже старосты с грехом пополам по слогам читают, а уж наши ребята только так и умеют! Не церковным же языком писать, без пробелов между словами и без гласных, а? Только язык сломаешь!

— Хм, ну ладно. — Трофим еще раз недоверчиво повертел грубую поделку в руках и вернулся на свое место, небрежно бросив подобие книги на стол. — Хоть бы обложили ее да завитушки нарисовали...

— Так это первый опыт! Будет и обложка и картинки в букваре! Мы для пробы всего тридцать штук этого вашего сборника отпечатали, и то почти половина в брак ушла! Правда, не пропала — черемисы с удмуртами растащили по своим селениям... — Вовка облегченно вздохнул и шагнул к открытой двери, собираясь улизнуть по своим неотложным мастерским делам. — Ну я пошел, а? Меня ребята дожидаются. Мы с Мокшей одни на всю школу остались, даже папка со своими лекарками все время в лесу проводит...

— Вроде обучение грамоте и счету пару седмиц назад мы отменили до самых холодов? Лишь воинскую и трудовую повинность сохранили...

— Так я самых смысленых и рукастых ребят оставил при себе именно в качестве трудовой повинности! — зачастил молодой мастер, вновь оправдываясь перед собравшимися. — Да вы сами утром видели! Что толку им добывать руду или лепить кирпичи, если они могут сделать что-то большее? Один у меня стеклом начал заниматься, точнее, мы пока бусинки цветные пытаемся лить. Еще двое следят на полях за теми механизмами, которые дядя Коля к страде подготовил. А остальные вместе со мной пытаются твердое мыло получить, а заодно бумагой занимаются... Но для этого их все равно приходится

учить! Только не письму и счету, а механике, геометрии, химии! Раньше я сам в этом почти ничего не понимал, но папка и дядя Коля мне всю зиму лекции читали... все что вспомнили, конечно!

— Кхе... с ума все походили, что ли? — Воевода с недоумением огляделся по сторонам и наткнулся на ухмыляющегося лекаря. — Что смешного? Или детишки у нас стали умнее опытных мужей? Так, что ли?

— Мы все зимние месяцы с желающими в школе опыты ставили, Трофим Игнатьич. — Вячеслав мгновенно перестал веселиться, нервно облизнул губы и попытался вступить за сына. — Наиболее башковитые теперь всё сами до ума доводят, поскольку нам просто некогда. А как еще из ребятни получить мастеров? Только если самостоятельно мозгами будут ворочать!

— Ну-ну, держайте... Ишь ты, на стекло замахнулись! А чего, ты говоришь, я просил тебя сделать? Вот это? — недоуменно спросил воевода, вновь подтягивая к себе печатное издание и оглядываясь на Вовку.

— Ну да, это же... это свод законов, или по-другому — Ветлужская Правда!

— Какая еще правда? Чего ты мелешь?

— Дядька Трофим! — Вовка начал заводиться, не понимая, что от него хотят. — Четыре дня назад! В этой избе! Вы почти в том же составе отмечали рождение ваших детей, так?

— Ну...

— Под самый вечер позвали меня, и я полночи записывал то, что нужно было напечатать! А вы мне все вместе диктовали!

— Етыть! — Трофим оглядел собеседников и озадаченно поскреб пригоршней в затылке. — И что?

— И то! — не выдержал Вовка. — Сначала вы мне по очереди совали какие-то исписанные листки, но я ваши каракули на этой трофейной бумаге не разобрал, а уж резы на бересте тем более! Тогда вы стали мне сообща диктовать, а в процессе записи еще и правили неоднократно! Вот!

— А ну, цыть, малец! — стукнул кулаком по столу воевода и уже напряженно оглядел собравшихся. — Так... Ивана еще не было, Николай уже давно в верховьях Ветлуги. Вячеслав, ты помнишь? А ты, Пычей? Кхм, да...

Напряженная тишина сгустилась за столом, и лишь Свара невозмутимо продолжал рвать зубами кусок мяса, сбрасывая кости на пол возившимся там собакам.

— А ну хватит поганить мне избу! Завели привычку! Для чего новые доски тут настелили?! — Трофим с яростью уста-

вился на главу воинской школы, выбрав его в качестве того, на ком можно было бы сорвать свое недовольство.

— Вроде бы Иван тут обычно обитает, а он молчит...

Нож воеводы с размаха припечатал сочащийся мясной кусок в руке Свары к столу, прервав того на полуслове.

— А теперь объясни мне, отрок. — Трофим медленно повернул голову к Вовке и тяжелым взглядом пригвоздил того к месту. — Какое первое слово в нашей Правде, а? Рыба?!

— Ну... да! — недоуменно ответил тот, стараясь все-таки отодвинуться подальше от разъяренного воеводы. — Сами же так продиктовали! А мы, между прочим, почти не спали с ребятами, ваши тексты набирая!

— Да? — Пальцы Трофима забарабанили по столешнице. — Тогда садись и читай! Я точно помню, что первый закон гласил про воеводскую власть и выборных людишек.

— Ты прости, Трофим Игнатьич, — вмешался Пычей. — Но у меня в памяти другое отложилось: «Люди рождаются вольными и должны таковыми оставаться до конца жизни. Каждый муж должен отстаивать нашу свободу с оружием в руках. А если...»

— Напраслину возводишь! — Свара невозмутимо отодрал недоеденный кусок от столешницы и засунул его в рот. Прожевав малую его часть под напряженными взглядами собеседников, он слегка удивился: — Чего уставились? Вячеслав не даст соврать: Николай всегда говорил мне про это... самоуважение! Каждый человек, мол, должен работать в поте лица своего, а бесплатных подачек не должно быть, вот так-то! Но и бросать старых и увечных никак нельзя! Как по Писанию все излагал. Лекарь эти его слова в точности передал, а от себя добавил лишь про школы и про то, как монеты тратить... И все это просил записать первыми строками! Помнится, я был с ним согласен по поводу обучения малолеток, хотя и доказывал, что надо вначале им обязанности вменить да наказания строгие ввести за пререкания с начальством! Тогда и самоуважение ваше появится!

— Ладно, хватит скоморошничать! — подвел итог пререканий воевода, хлопнув ладонью по столешнице. — Читай, печатник, до чего мы там договорились...

— Ветлужская Правда! — сипло начал Вовка, но сразу же прокашлялся и вывел молодым задорным голосом: — Параграф первый! Рыба гниет с головы!¹

¹ См. *Приложения*.

Глава 2

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Вовка скептически осмотрел свой развалившийся башмак, нагло выпятивший стельку из дыры на носке, и тяжело вздохнул. «Да, правильно мама говорила: дешево хорошо не бывает! Однако починить ботинок еще можно, тем более толстая резиновая подошва вполне сохранилась. Только вот как? Возвращаться в Переяславку и просить кого-нибудь зашить дыру? Ха! Засмеют! Скажут: что это за мастер, если он не может отремонтировать свою обувь! Эх, настоящее натуральное хозяйство! Придется придумывать что-то совсем легкое, летнее... Гениально! Пушу в дело свои собственные нежные пятки: буду ходить босиком, как и остальные ребята! Тяжело с непривычки, зато не надо заботиться о том, что утром надевать. Ну в крайнем случае попрошу кого-нибудь сплести мне лапти. Не откажут! А дыру заштопаю потом, у бати должны быть иголки и нитки».

Решив возникшую проблему, молодой гений разулся и, повесив ботинки на шею, медленно похромал по извилистой тропинке в сторону Болотного. Скакать ретивым конем и стучать палкой по окружающим деревьям, не глядя себе под ноги, уже не хотелось. Во-первых, не дай бог кто-нибудь увидит. А во-вторых, одно из последствий такого неподобающего для мастера поведения в настоящее время болталось на связанных шнурках и поочередно с целым собратом било ему в грудь оторванной подошвой, напоминая о доме.

О доме... Маму в последнее время он вспоминал часто, и почему-то всегда такие воспоминания были светлыми и приятными, хотя сам год назад мечтал уехать подальше от ее постоянных нотаций и ругани. Сам себе Вовка это объяснял тем, что плохое быстро забывается, а хорошее остается навсегда, напоминая о детстве. Том самом счастливом периоде, который у каждого человека прекращается в разное время. У кого-то и в тридцать лет это самое младенчество играет где-то там... в пятой точке, а вот у него оно закончилось в начале прошлого лета. И не сказать, что он был сильно против такого развития событий, просто лицо мамы нет-нет да и всплывало в памяти. А в последнее время — постоянно.

«Это ничего, я переживу, даже плакать почти не хочется...

Зато с батей мы теперь неразлейвода! А уж какую аферу про-
вернули! Это был самый настоящий заговор!»

Вовка зажмурился от удовольствия, но тут же одернул се-
бя, чтобы счастливое выражение не оставило даже малейших
следов на его лице. За то, что они сотворили, не только не по-
глядят по головке, а спустят три шкуры и прогонят на все че-
тыре стороны! И это в лучшем случае.

Однако деваться было некуда: все говорило о том, что
вскоре из-под пера воеводы выйдет новая Русская Правда,
выдержки из которой часто приводил Радимир на вечерних
посиделках. Это было лучше, чем жить без закона, но ветлуж-
цам на первых порах был необходим не сборник по уголовно-
му праву, а нечто совсем другое: краткий свод привлекатель-
ных правил, который легко запоминается и может разойтись
по городкам и весям без каких-либо усилий с их стороны. Та-
кой закон, который может сплотить ветлужцев в одно целое и
привлечь новых людей из окрестных мест! А что можно взять
из Русской Правды, помимо запретов и наказаний?

Конечно, помимо всяких слов нужны дела, лучшие условия
жизни для людей и защита новых поселений. Кроме того, не-
обходимы хоть какие-нибудь «рецепты» на все случаи жизни,
чтобы любой спор не превратился бы в кровавую баню, в кото-
рую, несомненно, вовлечутся родичи и соплеменники с обеих
сторон. То самое уголовное право, которое сдерживало бы лю-
дей и которым был занят воевода. Но пока население было не-
многочисленным, вполне можно было обойтись и собранием
копы. Главное сейчас — костяк правил для общего сосущество-
вания, а уж мясо в виде законов на него потом нарастет! Это
в русских княжествах вся власть «от Бога», освящена долгими
годами и традициями, а ветлужцы начинают жить заново!

Приблизительно так рассуждали участники мини-загово-
ра, который начал свой отсчет в конце зимы, вскоре после
прихода полусотника с Костромы-реки. Иван появился в Пе-
реяславке вместе со своими воинами, вышагивающими по
речной излучине на небольших четвероногих животных. На-
звать их конями не поворачивался язык — из-за малого роста,
но неприхотливые существа, в отличие от своих высокорос-
лых собратьев, весьма стойко держались на ледяной поверх-
ности, крепко вцепившись в нее своими шипастыми подко-
вами. За всадниками следовал обоз из четырех саней, на кото-
рых они везли свое имущество и несколько мешочков соли,
выпаренной в небольших котлах еще осенью. На вопрос, где
полусотник достал лошадей, тот ожидаемо махнул рукой:

«Э... Махнул не глядя!» После этого вопросы об ушкуе не задавались, а сам он на целый вечер поступил в полное распоряжение воеводы и его ближников. И даже, по слухам, успел на пару с Трофимом искупаться в ближайшей проруби.

А рано утром в дружинной избе собралась теплая компания из пяти человек. Еще год назад они не представляли себе, что ближе друг друга на этом свете у них никого не будет. А теперь даже подумать об ином не могли... Перед Вовкиными глазами надолго запечатлелась картинка того дня. Русская печка, сложенная еще осенью на месте старого подтопка, ласково грела горницу, отсекая трескучие февральские морозы. На столе горкой лежали политые медом плюшки, позаимствованные со вчерашних затянувшихся посиделок. На шестке пускал пар неказистый чугунный чайник, изготовленный Николаем пока лишь в единственном экземпляре. Жгли лучины, поскольку на улице было еще темно, и тихонько говорили обо всем. Мальчишки сначала молчали и слушали, как взрослые обсуждают насущные вопросы будущего бытия, а потом Вовка встрепенулся и предложил осуществить свой замысел, вынашиваемый им с середины осени.

Точнее, это был отчасти осуществленный план того, как довести Ветлужскую Правду до своих «восторженных» поклонников. Несколько десятков листков белесой бумаги из конопли уже были вынуты из-под пресса и сушились в мастерской. Свинцовые квадратики с буквами тоже ждали часа, когда их заправят в наборную доску, смажут чернилами и обрушат по направляющим на плотные листки картона. Ничего хитрого Вовка не выдумал, и до настоящего печатного станка было еще далеко, но одновременно подготовить два десятка страниц, пользуясь наборной кассой, уже было можно. А уж отпечатанный текст мог вполне случайно разойтись по окрестным весям. За это поругают, и все.

Проблема заключалась в другом. Что нужно изменить в документе и как сделать, чтобы данный печатный экземпляр не только отражал чаяния собравшихся, но и был выдан за истинный текст ветлужского закона? На это Вовкин отец заявил, что берет все на себя: скажет, что перепутал листки бумаги. Не убьют же!

Вячеслав даже достал черновики, которые сам же и набрасывал под диктовку ветлужского воеводы, и стал зачитывать свой вариант по каждому пункту, как неожиданно для всех полусотник встал на дыбы.

— Негоже нам обманом внедрять здесь свои правила! —

Иван привстал и поднял руку, прерывая негодующие восклицания, одновременно вырвавшиеся у остальных собравшихся. — Да это и бесполезно: местное общество просто не примет идеи из нашего времени, они ему чужды. Вот скажи, Слава, на кой ляд ты вписал туда выдержки из конституции: право на жилище, на образование? Они и у нас были филькиной грамотой, а тут и подавно станут пустым местом. Даже в наше время наука была нужна лишь каждому пятому, а то и десятому!

— Да ну? — ошетинился Вячеслав, пытаясь выдержать взгляд нависающего над ним полусотника.

— Ну да. Части школьников вообще хватило бы того факта, что они научились писать и считать! Большинство просто просиживали штаны в средней школе, не давая заниматься другим ребятам! Да и вся методика преподавания была рассчитана на отстающих! Я понимаю, что у нас окружающий мир требовал все более и более подготовленного человека, но все равно даваемый уровень знаний был для многих чрезмерным, а для немногих желающих учиться — недостаточным! А здесь вообще другие, более низкие требования, пойми! Учить надо, но не всех, а только желающих постигать науку! Причем так, чтобы они не голые факты запоминали, а могли рассуждать и развивать эту самую науку дальше! Сначала по конкретным специальностям, а уж потом дело дойдет и до классического советского образования!

— Всестороннее развитие личности? Да уж, это как раз то, что мы потеряли. В последнее время у нас знания преподавались на уровне «прочитал—запомнил», — пробурчал Вячеслав, нехотя соглашаясь с приведенными доводами. — Точнее, давалось столько сложного в весьма кратком изложении, что голова пухла у любого, кто читал детские учебники... Мол, заучите наизусть и применяйте по надобности! Без всяких рассуждений! А внутрь не лезьте! Хорошо еще, что у Вовки было желание читать познавательную литературу и смотреть развивающие каналы по телевизору, а не какие-нибудь убогие иностранные мультики...

— А что вы хотите? — включился в разговор Николай, немного сопя от переполнявших его эмоций. — Я как-то по телику видел нашего министра образования, так он с честными глазами сказал, что они пытаются взрастить квалифицированного потребителя! Етыть! При советской власти растили творца, созидателя, а теперь... оболваненного придурка, который с открытым ртом и бутылкой пива будет смотреть в но-

востях, как эти прилизанные господа из кожи лезут, чтобы нам сделать хорошо!

— Ну с местной наукой разобрались, — вновь уселся на свое место полусотник, гая вспыхнувшие страсти. — Так что, товарищи мастеровые, берите желающих и обучайте их тому, что знаете. И не надо устраивать никаких выпускных экзаменов — жизнь все сама расставит по местам. Придумал что-то новое, внедрил — получи звание подмастерья, потом первый разряд, второй... А с ним и разные бонусы, зависящие от полученной обществом прибыли. Особо одаренные получают звания мастера, а...

— А фундаментальная наука? — вмешался Вячеслав, нетерпеливо постукивающий свинцовым стилем по столу. — Какое тут внедрение? От нее никаких бонусов не получишь!

— Это сами мастеровые решать должны... — Иван с сомнением посмотрел на Николая. — Степаныч, как считаешь, сколько вы на это дело от своих доходов можете выделить?

— Хм... А сколько нам оставят? — тут же получил он встречный вопрос. — Сейчас мы вообще денег почти не видим! А если по уму, то на нас нужно выделять половину от зарабатываемой нами суммы!

— О-го-го!

— А что ты хотел? — разгорячился Николай. — Если платить за все, что мы сейчас получаем задарма, и переходить на самокупаемость, то так и выйдет. А еще учти, что без нашего ускоренного развития общество вообще не получит ничего. Ничегошеньки! Металл лет через десять только ленивый лить не будет, технологию изготовления стекла тоже в секрете долго не удержишь, если ставить производство у соседей! Как бумагу делать и книги печатать — сами всем своим друзьям расскажем! Или ты хочешь все в тайне держать и на этом себе барыши зарабатывать, строя великую державу и гнобя будущих соотечественников?! А, Ваня?

— А что, ты собираешься отдать наши секреты суздальским или киевским толстопузам? Нет?! Только тем, кто живет по нашим законам? И кто по ним живет? То-то же... Другое дело, что технологии все равно уйдут, даже если мы их будем беречь как зеницу ока! Так что ты там говорил про распределение денег?

— Что, что... Разве заранее скажешь, куда вложиться нужно? Если вчерне, то из выделенной нам суммы четверть мы отдадим на разработку новшеств, сулящих немедленную при-

быль, четверть на фундаментальные исследования, а половину на постройку новых производств.

— А себе? — ехидно задал резонный вопрос Вячеслав. — Что сами кушать будете?

— Шиш с маслом на хлеб будем намазывать! — неожиданно взорвался Николай. — Если мы еще сами себе платить будем, то точно превратимся в монстра, который будет озабочен лишь своей прибылью! Как бы мы ни относились в свое время к советской власти, но она нам честно говорила про гнилое нутро общества, построенного на наживе! Хватит, наелись! Пусть общество платит, и оно же устанавливает правила! Даже если не очень эффективно получится, то хоть какое-то равноправие соблюдаться будет!

— Ша! Распалились! — стукнул ладонью по столу Иван. — Степаныч, если ты так считаешь, то делай! Я тебя поддержу... А теперь о наших баранах, то бишь тех, кто пойдет по крестьянской или воинской стезе... хм, как я! Помимо некоторой специфической подготовки, мы им будем давать лишь самый минимум. Пусть учатся читать, писать и считать, по здешним меркам это уже очень приличное образование! Можно и в Правде это запечатлеть, но только самыми простыми словами, а не «каждому гарантируется образование»... Ты еще, Слава, про названный мной минимум там упомянул бы!

— Угу, — понуро кивнул Вячеслав. — А куда же ты врачей денешь? Как крестьян будем учить культуре земледелия?

— Все туда же пошлем — к мастеровым людям. Будете зваться школой, как сейчас и заведено.

— Понятно...

— А что касается жилья... — продолжил полусотник, немало горячась, — так местный мужик при поддержке своих родичей сам возведет себе пятистенки и не будет ждать ни от кого милости. Ему нужна свобода и защита! Он должен знать, что если придет на наши земли, то получит и то и другое, кем бы он раньше ни был! Я не говорю об убийцах, ворах и прочей швали! Если вскрыется подобная ложь, то мы сами повесим такого наглеца или выдадим головой по первому требованию!

— А если холоп прибежит? — вскинулся на этот раз Николай.

— Тогда община должна понимать, что берет на себя ответственность за его укрытие. В первую очередь финансовую! А что ты хочешь? Бодаться с суздальским князем и сдерживать нашей сотней его вооруженные тысячи? А следом воевать с Волжской Булгарией, Новгородом, Киевом?.. То-то же! Брать надо, но и нести ответственность — тоже. И еще... я

Трофима никогда не предаю, и он это знает. А у нас с вами получается самый настоящий обман. Да и бороться с ним легко — достаточно заявить, что данный документ никакого отношения к воеводе не имеет!

— И что ты предлагаешь? — хмыкнул Вячеслав.

— Да ничего нового, то же самое, о чем мы с вами рассуждали. Обязанности человека и его права! Свободу, мол, получишь, но для этого должен брать в руки топор и идти ее защищать! Без исключений! А не идешь по каким-то причинам, пусть и весьма весомым, то лишаешься права голоса и возможности занимать какой-нибудь пост! Единственным исключением могут быть немногочисленные мастеровые. — Иван бросил взгляд на одобрительно кивающего Николая и добавил: — Однако им тоже нежелательно вставать над местным людом, поскольку через некоторое время они закопаются в своих железках и перестанут понимать его чаяния! Пусть гильдию организуют и там устанавливают свои порядки!

— Пусть так, — кивнул Тимкин отец, оглаживая свою бороду. — Мастеровым власть над людьми не нужна.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно щелкнул пальцами полсотник. — Но надо все это обсудить вместе с местным населением, а не сидеть по углам как заговорщики. Только тогда получится что-то жизнеспособное! Кроме того, данную писанину разводить на десятки листов не надо, должно получиться что-то емкое, но вместе с тем краткое. А потом надо запускать этот документ втихомолку в массы, как Вовка и предлагал! В основном к черемисам, их чада уже обучаются в нашей школе языку, так что проблем быть не должно! Пусть пропагандирует у них ветлужский образ жизни! Это будет уже не обман, а уловка... да еще по отношению к соседям, а не к родичам! Здесь такое одобряется. А уголовное и административное право напишутся сами собой, постепенно! Возьмем что-то из традиций нашей копы, что-то из Русской Правды, римских законов...

— Может быть, нужно на каждый пункт создать свой лозунг? — подал голос Тимка, молчавший все это время. — Чтобы легче запоминался? Например, «Век живи — век учись», «Без наук — как без рук»...

— А что? — смутился Вячеслав. — Тимка прав. Так до людей дойдет быстрее. Могу еще предложить... «Человек без знаний — все равно что гриб: хотя на взгляд и крепкий, а за землю плохо держится».

— Вот! — подвел итог одобрительным возгласам Иван, посмеиваясь. — Так и пиши перед словами об обучении! А в

конце документа добавим: «Закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло»... — После того как оживление, вызванное новыми предлагаемыми поговорками, угасло, полусотник обернулся к лекарю. — Так что давай, Слава, формируй новый документ вместе с Трофимом, и обсуждайте его на малом совете. А я прямо сегодня попробую воеводе словечко замолвить за такой подход к делу. Думаю, что он не погнушается принять к сведению мое мнение... Все это одобряют? Отлично! А наши лозунги... для того чтобы их предложить, надо просто найти подходящий момент, вот и все... Хм.

Вовка опять улыбнулся, вспоминая их с Тимкой дальнейшие ухищрения по поиску новых поговорок. Здорово было! Они даже организовали школьный конкурс, где в качестве главного приза выступал самострел с плечами, сделанными из единой железной пластины. Многократно прокованная сталь упруго подавалась под нажимом мальчишеских ладоней, томно отзывалась звоном на несильные удары и причудливо отсвечивала на солнце завитками узоров и жирным глянцем нанесенного воска.

Первый опыт кузнецов вышел на загляденье и вызвал такой шквал новых предложений, что устроители конкурса были бы погребены под их весом, если бы они подавались в письменном виде. Правда, большой пользы это не принесло, зато в течение двух недель почти каждый ученик обзавелся деревянной заготовкой для будущего арбалета, набором тетив из конского волоса и болтами с самым разнообразным оперением.

Все свободное время мальчишки с горящими глазами обсуждали достоинства и недостатки спусковых механизмов, хвастали точеными ложами и ждали, когда же у кузнецов дойдут руки до новых пластин, «козых ножек» для взвода самострелов и наконечников для болтов. А сколько стрел было потеряно в мартовском снегу, когда начались пристрелки грозного оружия! Сколько конских хвостов было основательно прорезано темными ночами! Сколько слез украдкой было пролито, если выстраданная конструкция не желала посылать стрелы точно в цель или вычурный спусковой механизм, который был «самым-самым» среди всех остальных, рассыпался грудой обломков! Приходилось утешать и помогать, советовать и ругаться... Но что это было за время!

Неожиданно под ногами у Вовки оказалась прошлогодняя еловая шишка, и он стал ее гонять, пытаясь не попасть голыми пальцами по выступающим массивным корням, вылезшим почти на середину тропы. Как же хорошо! Скоро он придет в

Болотное, и там они с ребятами попробуют получить настоящее стекло!

Первые опыты были поставлены на основе довольно распространенных среди местного населения рецептов. Мешали одну часть песка с суриком, плавил в печи и получали стеклянную массу, которую можно было вытягивать, накручивать, куда-то заливать. Сам сурик представлял собой окись свинца, из которой мастеровые люди иногда делали красно-оранжевую краску, распыляя раскаленный металл в воздухе, быстро его охлаждая и в дальнейшем перемалывая в мельницах. Однако такая масса не поддавалась дутью — она была слишком жидкой. Таким образом, ветлужские мастера могли получать лишь глазурь на посуде, стеклянные бусы и браслеты. Уже зная, что производство стекол в Киеве поставлено на широкую ногу, хотя и держалось в строжайшем секрете, Вовка недоумевал: кто мог поделиться таким рецептом изготовления, который является фактически тупиковым? Византийцы, которых местные называют ромейцами? А для чего? Чтобы у них не было конкурентов?

Точные ингредиенты для изготовления стекла вспомнили сообща. Точнее, сначала Мокша упомянул расстроенному Вовке, будто он слышал про золу, которую добавляют в стеклянную массу. После этого был устроен мозговой штурм, в который вовлекли главного технолога ветлужцев. Но на удивление всех, точный рецепт изготовления вспомнил не дядя Коля, а Вовкин отец.

Довольный тем, что его сын собирается получать поташ для мыла, которое ему было необходимо позарез, он заявил, что и для стекла такой рецепт годится. По крайней мере, золу или соду, нужные для плавки и выделки, в стекло точно добавляли, как и известь для блеска и химической стойкости. А вместо золы можно ведь использовать тот же поташ, хотя для килограмма этого сырья нужно переработать почти целую тонну древесины... После этого и дядя Коля часто закивал головой, добавив лишь, что сода лучше, а с золой стекло должно получаться зеленоватым и надо что-то использовать для его обесцвечивания. Про известь он не слышал, но охотно верил, что такое возможно. А еще сказал, что можно получить разноцветное стекло, используя определенные добавки. Раз местные используют сурик, который является оксидом, судя по способу его получения нагревом в воздухе, то можно попробовать другие окиси металлов, той же меди...

— А ну, стоять!

Вовка даже не заметил, что тропа почти привела его в сторону Болотного и он наткнулся на кого-то из охранения, состоящего из учеников воинской школы.

— С какой стати? Это же я, Вовка, своих не узнаешь?

Такой ответ он выдал лишь из-за того, что пребывал в сильной растерянности. Обычно сидящие в засаде даже не отвлекались на местных и приставали лишь к удмуртам, проходящим из дальних гуртов к родичам. А уж его самого они не знать не могли: каждый день он общался с отбывающими трудовую повинность ребятами, проверяя качество работы, а уж скольких переучил письму и счету... Тем не менее кусты раздвинулись и тропу загородил здоровый вислоухий паренек, сопровождаемый двумя дружками более скромной комплекции.

«Янган, пятнадцатилетний дылда из зимнего черемисского набора с низовьев Ветлуги, — констатировал печальный факт Вовка. — Тот еще лентяй и неряха, постоянно приходится за ним присматривать. Если есть возможность что-то сделать спустя рукава, то это неминуемо будет совершено именно так, а любое мое замечание вызовет лишь высокомерный взгляд и презрительное фырканье через губу».

— И что вы тут делаете? — Вовка недоуменно пожал плечами. — С каких это пор в лесную стражу ставят троих? Одного я забираю с собой на трудотерапию...

Вообще, с подобным клиническим случаем в лице Янгана он столкнулся первый раз. Окрестные переяславские ребяташки всегда были под присмотром Мстиши, а тот любую лень и непослушание не спускал. Да и не было ничего такого — заразительный пример командира окрестных пацанов действовал на них лучше всякого окрика. С удмуртскими мальчишками тоже установился контакт: после первых драк и разборок их лидеры были выдвинуты в десятники, а сами по себе оказались совсем неплохими ребятами. Кроме того, их отцы в большинстве своем чувствовали расположение к переяславцам и прививали уважение к тем в своих семьях.

А с черемисами с самого начала получались какие-то несуразности. Лаймыр выбил для своей молодежи кое-какие привилегии, и ее объединили в три отдельных десятка, не смешивая с остальными. Четыре месяца пролетели как один миг, но до сих пор многие из них почти не могли внятно общаться с хозяевами школы. Постоянно приходилось любой приказ доводить сначала до особо одаренных в языках, а те уже в свою очередь объяснялись со своими соплеменниками. На любые жалобы по этому поводу Свара лишь пожимал плечами и

мрачнел лицом: договоренности воеводы он был отменить не в силах. Янган был одним из трех черемисских десятников, с которым можно было хоть как-то разговаривать, но вот желания общаться обычно не было никакого...

— Послушай, мастеровой, — без всяких предисловий начал черемис, поигрывая боевым ножом, который выдавали лишь дозорным. — Дело у меня к тебе...

— Это ты меня послушай! — неожиданно для себя вскипел Вовка, обычно не обращающий на такие мелочи внимания. — Кто тебе разрешил обнажать оружие? Или тебя Свара не приучил оплеухами, в какие моменты это можно делать?

Удар кулаком в живот опрокинул молодого мастера на землю, заставив скорчиться от боли, и над ним нависло крупное лицо Янгана.

— Хотел же по-хорошему предупредить, а теперь придется... немножко побить. А теперь слушай! Ты наш десяток больше не ставишь на грязные работы: добычу руды и торфа, а за меня попросишь Свару. Он тебя слушает... э-э-э... к тебе прислушивается. Пусть возьмет меня к тем ребятам, которых он мечом учит владеть. Ты все понял? Если сделаешь, то я тебя впредь не трону.

— Да пошел ты... — стал подниматься Вовка, но последовавший удар ногой вновь опрокинул его наземь.

Шнурки порвались, и сорвавшиеся с шеи ботинки укатились куда-то в сторону. Сам он ощутимо приложился копчиком, а выступающие древесные корни прошлись тяжелым катком по его спине. Чувствуя, что не может ничего противопоставить своему великовозрастному обидчику, Вовка резко передвинулся к нему и обхватил ударившую его ногу обеими руками.

— Решил сапоги мне целова... — Фразу Янган не закончил, потому что выше голенища по его ноге неожиданно разлилась сильная боль, захватывая все новые и новые участки тела. Он тут же изо всех сил ударил укусившего его до крови мальчишку кулаком в голову и проорал подельникам на своем языке нечто понятное без перевода: — Бей его!

На Вовку обрушились удары со всех сторон. Сначала он сопротивлялся, пытаясь отмахнуться, но потом лишь скорчился на лесной тропинке, прикрывая лицо от мелькавших иногда в его поле зрения ног. Выдохлись нападающие довольно скоро, минут через пять, но к этому времени на его теле не осталось ни одного живого места. Ребра с правой стороны болели особенно сильно, однако Вовка все же поднялся и

пошел, едва переставляя ноги, в направлении мастерских. Прилетевший сзади пинок вновь опрокинул его на землю.

— Попробуй только кому-нибудь рассказать, пададь! Найду и убью!

Последующий путь до школы Вовка запомнил с трудом. Шел он долго, спотыкаясь и падая, а под самый конец помутившееся сознание заставило его встать на четвереньки. Так он и вполз в лагерь, не обращая внимания на сгрудившихся вокруг него ребят, которые пытались оказать ему помощь, но не понимали, как это можно сделать. Они просто не смели его тронуть, потому что просвечивающее сквозь разорванную рубаху тело представляло собой один сплошной кровоподтек. Последнее, что Вовка заметил, было дрожащее лицо Тимки, рухнувшего перед ним на колени прямо в пыль, густо усеянную каплями крови из его собственного разбитого носа.

Гулко бил большой барабан, ритмичное звучание которого распространялось по всему селению и проникало в самые укромные его уголки, созывая всех на общий сбор.

Бум-бум, бум-бум!

Звук проникал на лесные делянки, где подростки заготавливали дрова, и на дальние болотистые участки, где они же собирали не только руду, но и торф, чтобы впоследствии пережечь его на кокс.

Бум-бум, бум-бум!

Удары разносились вдоль небольшой лесной речушки под названием Люнда, где в другое время постоянно толпился народ: с верховьев сплавливали заготовленный зимой лес, а с низовьев по очищенному руслу двигались однодеревки с углем из окрестных сел.

Бум-бум, бум-бум!

Здание школы стояло пустым, и звук носился по его коридорам, врываясь внутрь через открытые волоковые оконца.

Бум-бум-бум, бум-бум! Бум! Бум! «Никакой опасности нет, но я хочу видеть всех, кто свободен, — сообщал большой барабан. — У вас осталось совсем немного времени, чтобы добраться до точки общего сбора».

Из Сосновки спешили последние жители, которые были по каким-либо причинам не заняты на сельскохозяйственных работах. Дома остались лишь одни старики да малые дети, совместно присматривающие за хозяйством.

Бум-бум, бум-бум!

Приложение

УЛОЖЕНИЯ ВЕТЛУЖСКОЙ ПРАВДЫ

Параграф 1. Рыба гниет с головы, как и власть людская. К чему это приводит — даже глупый поймет, а умный возмутится и общий сход соберет. Если возмутится более трети общин, то правителя заново избирать, а на старого не обращать внимания, пусть бесится.

Сход же есть неотъемлемое право людей, и запрета этому нет во веки веков.

Параграф 2. Люди рождаются вольными и должны таковыми оставаться до конца жизни.

Каждый волен в выборе своей веры, ремесла и не может быть записан в холопы, какие бы долги на нем ни висели.

Такая свобода достается дорогой ценой, а потому каждый муж обязан отстаивать ее с оружием в руках, пока есть у него силы. А еще любой волен носить оружие, и запрета на это нет.

Параграф 3. Каждый человек, как издревле повелось, обязан работать в поте лица своего, как бы ни был богат или знатен. Однако не забывайте и о тех, кто по немощности или увечности своей трудиться не может! Не отказывайте в помощи нуждающимся словом и делом!

Когда сосед ваш голодает, когда на пороге вашем мерзнет сирота, а вы пребываете в сытости и благоденствии, помните — это ненадолго. Равнодушие приведет вас к тому, что вскоре вы сами окажетесь в нищете и будете прозябать у чужого порога.

Параграф 4. Живущие без чести подобны чумной нежити. Слабые, вдохнувшие их смрад, сами теряют душу. Сильные, по незнанию преломившие с ними хлеб, теряют веру в род людской.

Позвольте войти этой чуме на свой порог, и она убьет ваших детей и внуков.

И помните, что честь по наследству не передается, а потому звание воинское, как и чин воеводский, каждый должен заслужить с самых низов. Неважно, кто у тебя был в предках, важно — кто ты есть сам!

Параграф 5. Богатство немногих есть зло! Богатство многих есть добро, особенно если применять его с умом и на пользу людям.

Помните, что в могилу золото не заберешь, лишь потомкам своим завещать можно!

Помните, для кого живете и кому все оставите!

А потому, если богатство у вас есть, то не копите его, а вкладывайте в дела ваши и помогайте соседям встать на ноги, дабы не зарились они на него и не ярились на вас.

А всем остальным следует знать, что любой бунт, какой бы он справедливый ни был, в первую очередь пожирает тех, кто его возглавил, а пользуются его свершениями обычно людишки, держащиеся до поры до времени в тени.

Параграф 6. Человек без знаний все равно что гриб: хотя на взгляд и крепкий, а за землю плохо держится. Хочешь — учишься, а нет, так все равно знай счет и письмо, а потому малолеток следует в школу направлять, где также привлекать к труду. Желающим же, помимо прочего, следует другие науки давать по разумению и старанию их.

А еще недорослям всем суровое воинское обучение проходить, девицам же лекарское дело изучать со всем прилежанием.

Параграф 7. Народ, уставший мечтать, умирает, как и народ, проводящий дни свои в праздном безделье. Лишь непрерывное воплощение замыслов своих оставит вас на плаву.

Остановился — умер! Не бежишь со всех ног — станешь платить дань соседям своим!

Параграф 8. В пище своей придерживайтесь заветов предков. Не кладите туда чуждые ей вещества, как бы они ни сохраняли ее или вкус улучшали, понеже больше сил потратите на лечение неожиданных болезней, вызванных ими. И все это относится ко многому, что с нашим телом соприкасается либо как лекарства многими неучами используется.

К сему отношения не имеет соль, сахар, пряности разные,

но и их ешьте с осторожностью, ибо лишь пища грубая и простая пользу телу несет, а все излишества во вред. Однако не гнушайтесь новыми плодами и травами, что другие народы едят, а потому они временем проверенные.

Параграф 9. За вдыхание дыма или опиума, за принятие веселящих или дурманящих зелий каким бы то ни было образом для удовольствия своего — изгнание или смерть в пример другим. За торговлю ими лишь смерть при всем народе.

Из сего исключаются зелья для лечения тела, а также пиво, мед и слабое вино, употреблять которые дозволено лишь в малых количествах. Хмельное же еще и продавать нельзя — лишь самим себе делать, а с другими делиться безвозмездно.

Однако для воеводских людей и воев от десятника и выше хмельное под запретом вовсе, разве что сам воевода каждый раз будет разрешать сии пагубные напитки им употреблять.

Параграф 10. Закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло. А потому исполняйте дух его, а не только слова, в нем изложенные. И если суждено менять какие-либо уложения, то переписывайте дополнительные и старайтесь не касаться основных.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ УЛОЖЕНИЕ О ПРАВЕ ГОЛОСА

Люди рождаются равноправными, а потому перед законом и обществом до конца жизни все равны. Однако же право решать на копе или ином сходе зависит лишь от того, сколь много трудов своих они потратили на благо общества.

Те, кто не в силах защищать свою землю, — не имеют голоса. Те, кто в силах, но надеются отсидеться за спиной соседей, изгоняются в чужие земли, и только малые их дети могут быть приняты обратно. И лишь немногие мастера живут по иному покону и берегутся со всем прилежанием, однако и они подчиняются общим уложениям и обучаются воинским наукам.

Если воин три года кровь проливал, то он равен тому, кто звание мастера получил или пятерых детей воспитал и в школу отдал, а потому каждый из них получает один голос. Кто десять лет в ратных трудах провел или десять детей на ноги поднял, то два голоса.

А если за кем-то недоимки или долг висит, то он лишается голоса, пока не возвратит все.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ УЛОЖЕНИЕ О НЕДОИМКАХ И ДОЛГАХ

Лишь местная община и наместник могут давать в долг и требовать резу, которая не может превышать десятой части в год. Делать это следует для развития ремесел разных и увеличения налогов, а потому реза должна быть самой малой по возможности. Помощь же голодающим должна оказываться всегда и безвозмездно, а нуждающимся — просто без резы.

Остальные же давать в долг могут, но резы спрашивать более двадцатой части в год не вправе, и делается это с разрешения общины. Не должно быть такого, чтобы кто-то на горестях чужих наживался, и таких людишек надо гнать прочь.

Любые же тяжбы по долгам и недоимкам решаются мировым судьей или копою, если есть разногласия. И должник может выбрать работы на благо верви, по окончанию которых ему все прощается, а долги берет на себя община.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ УЛОЖЕНИЕ О ВЛАСТИ И СУДЬЯХ

Бремя властителя неблагодарно и состоит в том, чтобы прикладывать усилия, дабы его народ прирастал в числе и благоденствии. В мирные дни действует он лишь по разумению своему и советников ближних. Однако в трудностях великих и на переломах судьбы люди решают все сами на верховной копе, дабы не пенять потом ни на кого другого.

Сам же властитель зовется воеводой и ставится советом воинов, мастеровых и оратаев, кои избираются раз в пять лет на общинных сходах в равных долях меж собой, по дюжине человек в каждой. Воевода управляет всем, но не касается законов, те измысливаются советом и должны утверждаться по отдельности каждым сословием, а потом уж и самим властителем.

Судить тоже не воеводское дело, а выборных судей. Своим словом воевода и его советники могут вершить судьбы людские, однако за каждое свершение отвечают потом перед советом либо верховной копой. Копя сия собирается раз в год и набирается по несколько человек с каждого общинного схода, но всего не более ста, и судит свершения воеводы и совета за прошедший срок.

Помните, всегда будут те, кто попытается силой или обманом добиться для себя легкой работы и сладкой жизни. Они будут лгать вам в лицо, красть у вас честно заработанный ку-

сок и даже посылать вас на смерть, чтобы потом с презрением сплевывать в вашу сторону!

В наших силах сделать так, чтобы их не оказалось среди власть имущих. А потому воеводе, назначаемым им людям и их ближайшим родичам запрещается до скончания жизни вести любые торговые или иные дела, приносящие им доходы, дабы не искушать любителей жить за чужой счет.

Тем же, кто согласится стать воеводским советником или наместником (что едино, но за советниками земли не закреплены и они могут указывать наместникам), следует помнить об ответственности за свои деяния. Несут они слово воеводы во все пределы и заботятся о каждом за счет податей, что люди вносят или трудом своим создают, а потому наказание за обман и лень для всех одно — смерть. И каждому велено докладывать об их несправедных поступках под страхом того же наказания.

А им самим наказ: не можешь уже работать на благо — уйди с глаз долой и проведи остаток своих дней в покое и сытости. Выборный совет выделяет таким людишкам и их женам доход для проживания до конца жизни по их заслугам, детям же их лишь до выбора своей стези в молодые годы, но уже всем одинаково.

Людишек в самом совете запрет на доходы не касается, однако дела их должны вершиться открыто и честно перед всем народом, как и тех, кто с воеводой, его советниками или наместниками дружен. И наказание за использование ради своей выгоды власти или оной дружбы для всех сторон одно — вечное изгнание их потомков, а самим им смерть.

Следит же за исполнением всех законов копа и выбранные на ней судьи, которые по запретам приравниваются к воеводским наместникам и содержатся обществом же. Каждый из них может по жалобе или самостоятельно вершить суд там, где его избрали, а трое из разных общин могут призывать к ответу своих наместников и выборных людишек, за исключением самого воеводы. И никто не вправе вмешиваться в решения судей, но все осужденные могут обжаловать их на общинной копе, а воеводские людишки даже на копе верховной.

Воинам при любых внутренних раздорах оставаться в стороне и силу применять, лишь когда смертоубийство настает или иное непотребство происходит. А если власти у воеводы или совета нет, то при малейших признаках опасности командовать самим, но сразу же возвращаться к прежнему, как только угроза сгинула.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ УЛОЖЕНИЕ О НАЛОГАХ

С оратаев оброк не берется вовсе, а с мастеровитых людишек не более чем десятая часть дохода, а на большее запрет.

Однако если кто-то из них хочет жить своим хозяйством, то с мастера еще десятая часть дохода, с оратая же двадцатая часть того, что он выращивает (десятая, если наемную силу применяет, в которую родичи не входят) для запасов на случай неурожая. Вместо этого с оратая можно взять лишь сотую часть отборного зерна, плодов или живности, но то лишь по договоренности с общиной или наместником. В эту часть оброка входят все расходы, за которые местная община платит, как то: содержание лекаря, школы, дорог, мостов и прочего. А не платит кто, то пусть и не пользуется, а увидят это, то ответ перед судьей или копой ему держать и платить вдесятеро. Но детей своих он обязан в школу вести, и за это платы с него никакой, как и за лекаря для них же.

А если население городка перевалит за три тыщи душ, то наместникам расселять желающих на пустующие земли, помогая всемерно, либо брать с людишек ежегодную десятину сверх перечисленного и на нее мостить камнем широкие улицы и им же заставляя строить дома, дабы уберечь их от пожаров. А еще наместнику и жителям таких городков вменяется убирать все до блеска, дабы заразы не заводилось и мор на другие селения не перекидывался.

Жить же воеводству в основном на прибыли с ремесел и своей торговли, стараясь делить те с общинами поровну и развивать совместно с пристрастием.

Половину дохода, с них получаемого, и тем и другим необходимо вкладывать в новые и старые мастерские, всемерно развивая их, а также в обучение людишек и науки разные. Среди последних особо уделять внимание следует лекарскому делу и познанию природы разных веществ, при этом всемерно опасаясь навредить кому-либо, но не останавливая познание, ибо даже зело опасное может кому-то пользу принести.

А еще десятую часть тратить на запасы, дабы прожить три голодных года, и на плодовые семена и живность, которые следует всемерно распространять.

И еще столько же тратить, чтобы заботиться о чистоте и благодати вокруг, на то, чтобы зверь и рыба вокруг не исчезали и леса под корень не вырубались, а также на дороги меж общинами.

Остальной же доход тратится по усмотрению воеводы и

совета, но около десятой части должно идти на оружие, воинское снаряжение и крепостную защиту, а при суровой необходимости и больше на это выделять.

Все перечисленное не является незыблемым, но должно соблюдаться, дабы не отстать ни в чем перед соседями и быть для них примером.

И воеводе и его наместникам отчитываться каждый год перед советом, а по необходимости и перед верховной копой, а выборным людишкам и старостам то же самое перед общим сходом делать, где каждый волен узнать все их расходы на себя и благо общества.

С чуждых же людишек и их торговли все берется, как воевода с советом установят и объявят загодя. Стремиться нужно к тому, чтобы не было препон и мытных пошлин вовсе, однако потворствовать надо тем соседям, кто на подобное же идет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Главные слова	5
<i>Глава 2.</i> Работа над ошибками	22
<i>Глава 3.</i> Ветлужские ценности	40
<i>Глава 4.</i> Бей своих, чтоб чужие боялись	57
<i>Глава 5.</i> Столкновение	78
<i>Глава 6.</i> Схватить удачу за хвост	96
<i>Глава 7.</i> Прости мя, Господи	120
<i>Глава 8.</i> Пока мы живы!	133
<i>Глава 9.</i> Бабы горести	154
<i>Глава 10.</i> А я улыбаюсь, живу и стараюсь...	178
<i>Глава 11.</i> Проверка временем	192
<i>Глава 12.</i> Княжеское благоволение	212
<i>Глава 13.</i> Девичья доля	232
<i>Глава 14.</i> Суженый-ряженный	248
<i>Глава 15.</i> Иванова полусотня	267
<i>Глава 16.</i> Хотя бы кто-нибудь!	284
<i>Глава 17.</i> Глухой угол	296
<i>Глава 18.</i> Сломанный клинок	311
Приложение	
Уложения Ветлужской Правды	336
Дополнительное уложение о праве голоса	338
Дополнительное уложение о недоимках и долгах	339
Дополнительное уложение о власти и судьях	339
Дополнительное уложение о налогах	341